

БАСНИ И СКАЗКИ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ХЕМНИЦЕРА.

По языку и мысли я узнала,
Ето басни новыя и сказки сочинялъ,
Ихъ истина располагала,
Природа рассказала,
Хемницеръ написалъ.

М. А. Львова.

(«Петербургскій Вѣстникъ». Ноябрь, 1779).

1782.

Хемницеръ—одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей XVIII вѣка: басни его не затемнены даже произведеніями единственнаго нашего Крылова; между тѣмъ жизнь, взгляды, убѣжденія Хемницера, словомъ, человѣкъ-Хемницеръ былъ намъ вовсе неизвѣстенъ: все, что печаталось и заучивалось о немъ российскимъ юношествомъ, ограничивалось очень жиденькою биографіею—нѣчто въ родѣ послужного о немъ списка, разведеннаго двумя-тремя анекдотами. «Русская Старина» впервые представила о Хемницерѣ весьма обстоятельную монографію; она принадлежитъ лучшему знатоку и изслѣдователю русской литературы XVIII вѣка, академику Я. К. Гроту («Рус. Стар.» изд. 1872 г., т. V, стр. 215—234). Составленная по подлиннымъ бумагамъ знаменитаго баснописца, она проливаетъ яркой свѣтъ на нравственную, вполне симпатичную личность Хемницера. Нынѣ мы имѣемъ возможность дополнить изслѣдованіе г. Грота новыми матеріалами: это подлинная памятная записная книжка Хемницера и подлинная-же рукопись двѣнадцати его басенъ. То и другое сообщены Г. П. Надхинымъ и обставлены какъ его примѣчаніями, такъ, по нашей и его просьбѣ, замѣтками академика Я. К. Грота. Печатаемъ сначала «Басни и сказки» Хемницера, а затѣмъ—его «Памятную книжку».

Подлинная рукопись Хемницера, съ которой мы приводимъ его басни, составляетъ тетрадку въ малую 8-ю долю, сѣрой почтовой бумаги, 24 страницъ. Въ ней рукою автора внесено двѣнадцать басенъ; изъ нихъ одиннадцать находятся въ числѣ тѣхъ двадцати трехъ, которыя составляютъ въ печатныхъ изданіяхъ соч. Хемницера третью часть, а одна «Добрый Царь» впервые явилась въ свѣтъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г. т. V, стр. 229—230). Въ печатныхъ изданіяхъ— третью часть составляютъ слѣдующія басни и сказки:

1) «Муравей и Зерно». 2) «Лѣнвивые и ретивые кони». 3) «Куры и Голубка». 4) «Невѣжество и скупость». 5) «Слѣпой Левъ». 6) «Лисица и Сорока». 7) «Стрѣлкая часовая». 8) «Осель въ уборѣ». 9) «Услуга». 10) «Левъ свать». 11) «Домъ». 12) «Пчела и Курица». 13) «Вдова». 14) «Перепелка съ дѣтми и крестьянинъ». 15) «Поборъ львиной». 16) «Чужая бѣда». 17) «Статуя». 18) «Имѣніе и ссора». 19) «Буквы». 20) «Привилегія». 21) «Метафизикъ». 22) «Собака и мухи». 23) «Дуракъ и тѣнь». Кромѣ того, при той-же, третьей части, въ печатныхъ изданіяхъ приложены еще двѣ басни Хемницера, названныя имъ: «Чужія басни». Таковы: «Львиной указъ» и «Маргышка, обойденная при произвожденіи».

Въ подлинной рукописи, нынѣ сообщаемой, басни идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «Муравей и Зерно». 2) Лѣнвивые и ретивые кони». 3) «Куры и Галка». 4) «Невѣжество и скупость». 5) «Имѣніе и ссора». 6) «Добрый Царь». 7) «Домъ». 8) «Лисица и Сорока». 9) «Услуга». 10) «Перепелка съ дѣтми и крестьянинъ». 11) «Привилегія». 12) «Поборъ львиной». Такимъ образомъ заглавія нѣкоторыхъ (№№ 3 и 10) въ рукописи отличны отъ печатнаго. Что касается до текста басенъ, то онъ весьма существенно отличается въ подлинной, нынѣ представляемой рукописи отъ того, что было напечатано; по свидѣтельству Я. К. Грота оказывается несомнѣннымъ, что Капнистъ, издавшій впервые третью часть басенъ Хемницера, — уже послѣ смерти автора, искажилъ ихъ своими поправками, а другія, какъ читатель увидитъ, совершенно передѣлалъ.

Необходимо оговорить, что прямой чертой нами отмѣчены цѣлыя стихи и строфы, которые либо существенно отличаются отъ печатнаго, либо и вовсе не имѣются въ печатавшихся до сихъ поръ басняхъ Хемницера. Точно также разрядка указываетъ на разночтенія въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ

Ред.

БАСНИ И СКАЗКИ *).

I.

Муравей и Зерно.

Готова Муравей запасъ, нашель зерно

Промежду мелкими одно,

Зерно весьма, весьма большое.

Не Муравью-бы съ нимъ казалось совладать,

Да вѣтъ, дай Муравью зерно большое взять.

«Зерно, онъ думаетъ, такое

Одно на цѣлую мнѣ зиму можетъ стать»,

И потащилъ зерно большое.

Дорога въ верхъ стѣны съ запасомъ этимъ шла:

Ну Муравей тащить, трудиться,

И вдоль стѣны съ зерномъ гнѣдиться;

Вдругъ тягость все перемогла,

И Муравья съ стѣны и съ грузомъ сорвала;

И въ сторону зерно, а Муравей—въ другую.

Не трогая струну людскую,

Мнѣ только Муравью хотѣлось-бы сказать,

Чтобъ свыше силъ не подымать.

II.

Лѣнливые и ретивые кони.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые кони,

Въ другихъ—лѣнливые. Пришедъ къ горѣ они,

Лѣнливые ни съ мѣста! стали.

А вѣдь въ дорогѣ не стоять,

Такъ должно что нибудь начать.

Побившись, способа другаго не смыслили **),

Чтобъ помощь этому подать,

Какъ ***) лошадей лѣнливыхъ

Вонъ выпрячь изъ возовъ и впрячь коней ретивыхъ.

Повозку только лишь взвезуть,

Другую ихъ взвезти опять перепрягутъ.

Да чтожь? Когда кормить обозъ остановили,

Всѣхъ на одну траву на тотъ-же лугъ пустили.

Я самъ въ себѣ, случившись тутъ,

Подумалъ: вотъ житье какое!

Ретивому коню всегда работы вдвое,

А тотъ же кормъ—какой лѣнливому даютъ.

*) Далѣе въ подлинникѣ: «Часть третія».

***) Далѣе въ подлинникѣ двѣ съ половиною строки тщательно вычеркнуты.

***) Въ подлинникѣ далѣе слово «чтобы» вычеркнуто.

Ред.

Ред.

Ред.

III.

Куры и Галка.

Хозяинъ Курамъ корму дать
 Стать крохи хлѣба имъ видать.
 Крохъ этихъ поклевать
 И Галка *) захотѣла,
 Да **) той отваги не имѣла,
 Чтобъ подойти къ крохамъ. Когдажъ и подойдетъ,
 Бидая ихъ, рукой Хозяинъ лишь взмахнетъ,
 Все Галка прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ;
 А Куры, между тѣмъ, какъ робости не знали,
 Клевали крохи да клевали.

Во многихъ случаяхъ на свѣтѣ такъ идетъ,
 Что счастье иной отвагой получаетъ;
 И смѣлой ***) тамъ найдетъ,
 Гдѣ робкой потердетъ ****).

*) Зачеркнуто далѣе: «подлетѣла» **) Зачеркнуто: «смѣлости». Ред.

***) Зачеркнуто: «скорѣе». Ред.

****) Въ печатныхъ изданіяхъ эта прелестная басня совершенно искажена передѣлками.

Изъ моихъ списковъ становится несомнѣннымъ, что эта до сихъ поръ считавшаяся подлинною редакція принадлежитъ Капнисту. Даже въ копіи его руки басни первоначально является почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ приведена выше и въ которомъ не разъ встрѣчается въ автографахъ Хемницера. Очевидно, друзьямъ покойнаго баснописца показалось, что къ галкѣ характеръ робости не идетъ, хотя въ данномъ случаѣ онъ приписанъ ей совершенно вѣрно,—и они изъ за этого позволили себѣ черезъ чуръ смѣлую передѣлку. Для сравненія съ подлинникомъ Хемницера выписываемъ передѣлку Капниста изъ изд. соч. Хемницера 1830 г. Москва, ч. 3, стр. 5. Я. Г.

Куры и Голубка.

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
 Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору,
 И крошками кормилъ.
 Лишь голосъ дать ко сбору,
 То куры тутъ какъ тутъ,
 Отвсюду набѣгутъ.
 Голубка тоже прилетѣла,
 И крошекъ поклевать хотѣла;
 Да той отваги не имѣла,
 Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
 Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
 Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
 А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
 Клевали крохи, да клевали.
 На свѣтѣ часто такъ идетъ,
 Что счастья иной отвагой достукаетъ;
 И смѣлой тамъ найдетъ,
 Гдѣ робкой потердетъ.

IV.

Невѣжество и Скупость *).

Отъ зла и одного чего не отродится!
Чтожъ, если вмѣстѣ ихъ и болѣе случится?

Невѣжда и притомъ скупой,
По милости Судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну старинную статую
Такую,
Что, говорятъ, теперь не сдѣлаютъ такой
Работы мастерской!

Тотчасъ Невѣжество и Скупость вобразили
Въ статуѣ этой вещь, въ которой деньги скрыли.
И чтобы вынуть ихъ, такую вещь разбили **)
Которой можетъ-быть цѣны не находили,
Тогда, когда ее художникъ сотворилъ.

*) Кроме мелкихъ разночтеній этой басни съ печатнымъ текстомъ, въ изданіяхъ читаемъ:

Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразя, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки цѣны не находили.

**) Въ моихъ спискахъ этотъ стихъ читается точно также; но ясно, что ему недостаетъ окончательной отдѣлки. Я. Г.

V.

Имѣніе и ссора.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть князьки какіе,
 Да только люди не простые,
 И счетомъ двое ихъ всего,
 (То есть: вотъ этихъ только двое,
 А ихъ число совсѣмъ другое),
 Съ своими войсками *) сосѣда своего
 Сложились выгнать вонъ изъ кровнаго владѣнья
 И раздѣлить потомъ промежъ собой его.
 Ну какъ отступишься безспорно отъ имѣнья,
 Да отъ имѣнія роднаго своего?
 Гдѣ между частныхъ споръ случится о имѣньи,
 Тамъ можно способы черезъ судей найти
 Кое-какъ ссору развести;
 Но въ этомъ ссорномъ положеньи,
 Гдѣ всякъ считался самъ большой,
 Чѣмъ тутъ рѣшить какъ не войной?
 Пошла война: людей безъ счету побивали,
 Такъ что со стороны смотрѣть и тѣ устали,
 Которые войной и грабежомъ живутъ.
 А должно знать, что тутъ
 Ни мало не на стать поэмъ происходило,
 Гдѣ войски за себя боговъ пускаютъ въ бой,
 Какъ скоро только лишь сраженье наступило:
 Здѣсь каждой самъ дрался безъ помощи чужой,
 И вотъ зачѣмъ людей такъ много побивали.
 И для того иной желалъ **),
 Чтобъ ужъ хоть правый проигралъ,
 Лишь только-бъ драться перестали.
 «Да что? тутъ нѣкто разсуждалъ:
 Хоть ссориться втроемъ уймутся,
 Ставь двое, изъ того-жъ имѣнья подерутся».

*) Въмѣсто зачеркнутого: «шайками».

Ред.

***) Отмѣченнаго чертою въ печатныхъ изданіяхъ нѣтъ, тамъ читаемъ:

Но какъ лишь бьющихся число,
 Не спорующихся уменьшали,
 То что войну пресѣчь могло?
 Иные ужъ желали и проч.

Ред.

VI.

Доброй Царь.

Какой-то Царь, принявъ правленье,
 Съ нимъ принялъ также попеченье
 Счастливымъ *) сдѣлать свой народъ;
 И первой шагъ его былъ тотъ,
 Что издавъ новое законамъ учрежденье
 Законамъ старымъ въ поправленье;
 А чтобъ исправнѣе законъ исполненъ былъ,
 То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
 Законы новые даны народу были
 И новые судьи, чтобъ лучше ихъ хранили.
 Во всемъ и вся была отмѣна хороша,
 Когда-бъ не старая въ судьяхъ иныхъ душа.
 А тотчасъ это зло поправить
 Царь способовъ не находилъ,
 Но долженъ это былъ
 И воспитанію и времени оставить **).

*) Въѣсто зачеркнутого: «Чтобы счастливымъ».

Ред.

**) Изъ сличенія этого текста съ черновыми рукописями Хемницера («Рус. Стар.» т. V, стр. 229—230) видно, что только настоящая редакція можетъ считаться подлинною, въ чемъ нельзя было удостовѣриться, пока не имѣлась въ виду отыскавшаяся нынѣ чистая собственноручная тетрадь послѣднихъ басенъ Хемницера.

Я. Г.

VII.

Домъ.

Былъ домъ, хотя и не большой,
Однакоже такой

Что выгоды не доставало:
Жить можно было въ немъ;
Да кто когда доволенъ чѣмъ?
Любимое людское слово: мало;
То есть когда не дать,
Но взять.

А слова этого Хозяинъ тожъ держался:
Все тѣсенъ домъ ему казался,
Кавкихъ пристроевъ онъ къ нему ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
Чѣмъ домъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,
Чтобъ не дошелъ до разоренья.

Сперва таки его Хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни издвевенья,
Чтобъ домъ исправно содержать
Не стало богъ доставать;
Вѣдь с а м о м у не раздѣлиться,
Чтобъ все успѣть обнять собою,

А на присмотръ чужой нѣтъ хуже положиться.
Чужой не видитъ глазъ того, что видитъ свой.

Домъ все вѣтчае становится:
Въ томъ мѣстѣ починаетъ, въ другомъ,
А въ десяти мѣстахъ валится.

Пусть это домъ;
А сколько государствъ, которыя упали,
Когда безмѣрное пространство получали?
И я бы на совѣтъ такой
Весьма охотно согласился:
Что лучше домъ имѣть исправной небольшой,
А нежели дворецъ, которой развалился *).

*) Отъ этого подлиннаго текста басни Хемницера—печатной, поддѣлка Капниста опять-таки рѣзко отличается. Вотъ для образца изъ печатнаго правоученіе этой басни:

Но что?—не только этотъ домъ,
И царство Римлянъ пало,
Когда полсвѣтомъ завладало.
И для того, когда-бъ пошло на выборъ мой,
Тобъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправной домъ, хотя и небольшой,
Чѣмъ замокъ или дворецъ, которой-бы валится. Ред.

VIII.

Лисица и Сорока.

«Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
 Что таки ты весь день изволишь говорить?» —
 Съ Сорокой свидѣвшись Лисица ей сказала.
 «Я чаю, что тебя послушать рассуждать
 Есть подлинно, что перенять. —
 — Все что я говорю, Сорока отвѣчала,
 Относится къ тому, что-бъ истину вещей
 Открывъ, другихъ наставить въ ней;
 И я большимъ моимъ стараньемъ въ томъ успѣла,
 Что я, кого бы ни взяла,
 Предъ всѣми протчими найдти ее умѣла
 Съ Летучей Мыши до Орла». —

«Большое-бъ, говорить Лисица, одолженье
 Твое услышать наставленье *)
 Когда бы ты не въ трудъ сочла».

Какъ на кафедрѣ врачъ глубокоизученный,
 И знаньемъ, и своей особой зараженный,
 Когда готовится преподавать урокъ,
 Сперва впередъ и взадъ кафедры пошагаетъ,
 Съ осанкой въ носовой своей шелковой платокъ
 Утрется, и потомъ ужъ слово начинается:
 Такъ точно на суку Сорока находясь,
 И поученіе давать расположась,
 Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала
 И съ права носъ объ суку и съ лѣва подчищала.
 Потомъ принявъ лица ученѣйшаго видъ:
 — «Я рада всѣмъ служить, что знаю, говорить:
 Я не люблю своимъ таяться дарованьемъ:
 Пусть пользуются всѣ открытымъ мнѣ познаьемъ.
 Не такъ-ли? Ты вѣдь у себя
 Четыре все ноги считала?
 Но не четыре ихъ! Хоть странно для тебя.
 Однако должно знать, чего-бъ я ни сказала,
 Безъ доказательства еще не оставляла:
 Послушай, и сама признаешься тогда:
 Примѣтила-ли ты когда:
 Какъ скоро ступишь ты, нога твоя въ движеньи?
 Когда-же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
 То и нога твоя покоится тогда?»

*) Стихъ этотъ въ подлинникѣ зачеркнутъ.

Да полно, этимъ я не все еще сказала,
 А слушай что теперь я стану говорить,
 | Чего большимъ трудомъ не давно я узнала:
 Всегда, когда тебѣ случается ходить
 | То ты не иначе какъ по землѣ ступаешь.
 Примѣть-же ты свой хвостъ, и ты тогда узнаешь,
 Что всякой разъ когда нога твоя шагнетъ
 За нею тожъ и хвостъ подается твой впередъ;
 И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
 • Точнехонько и хвостъ твой также выступаетъ,
 | Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить.
 Изъ этого теперь выходитъ заключенье *)
 Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
 | И вотъ, сударыня, на ваше предложенье
 Вамъ съ доказательствомъ рѣшенье».

Какъ, право, веселить, что даже межъ скотовъ
 Способности большихъ умовъ,
 Дающихъ всѣмъ вещамъ и толкъ и объясненье!
 Мнѣ это важное Сороки разсужденье
 Лисица разсказавъ заподлинно сама,
 Примолвила притомъ отъ хитрости ума:
 «Чѣмъ меньше свѣдуши скоты и чѣмъ глупѣе,
 Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе» **).

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «и должно заключить».

Ред.

**) Отмѣченные нами стихи либо отличаются отъ печатныхъ изданій пе-
 рестановкою словъ и вообще изложеніемъ, либо ихъ вовсе нѣтъ въ печати-
 наприимѣръ:

Чего большимъ трудомъ недавно я узнала. и проч.

или:

Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить. и проч.

Правоученіе въ печатныхъ изданіяхъ изложено такъ:

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,

Лисица пятою поджавъ смиренно ногу,

Пошла, и всю дорогу

Твердила: «стало быть не межъ однихъ людей

Чѣмъ кто глупѣе,

Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе».

Ред.

Это правоученіе, какъ и дальнѣйшія перемѣны въ остальныхъ басняхъ,
 принадлежитъ Капнисту. Я. Г.

IX.

У с л у г а

Во всякомъ случаѣ не знаніе бѣда!

Считаешь иногда:

На что мнѣ этому учиться?

Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ?

Дойдетъ ли или нѣтъ,

Все то что знаешь—пригодится.

А ежели чего случится и не знать,

Тамъ лучше ужъ не приниматься,

Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Какъ нѣкто, думая услугу показать,

Въ саду взялся траву пустую вырывать;

Однако въ травахъ толкъ не зная,

Противную совсѣмъ услугу показалъ:

Негодную траву за годную считая,

Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

Примѣчаніе: Третій стихъ подлинника въ печатныхъ изданіяхъ передѣланъ Капнистомъ такъ:

На что мнѣ суетиться,

Тому иль этому учиться?

Шесть и послѣдующіе стихи подлинника въ передѣлѣ Капниста читаются такъ:

А знанье все таки годится.

Когда же и случится

Чего не знать,

То лучше въ дѣло не мѣшаться, ... и проч.

Ред.

X.

Перепелка съ дѣтми и Крестьянинъ.

Прилежность и труды въ дѣлахъ употреба—
Надежда лучшая къ успѣху на себя.

Всѣ знаютъ,

Что перепелки гнѣзды вьютъ,
Когда хлѣба еще далеко не цвѣтуть,
А не тогда, когда почти ужъ поспѣвають;

То есть порой

Такой,

Когда весна лишь наступаетъ

И вдвое, все что есть, любиться заставляетъ
Да думать какъ дружка найти,

Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкой произвести.

Одна, не знаю какъ, однако опоздала

Такъ что гнѣзда себѣ порою не свила,

А стала вить когда пора почти прошла,

И въ полѣ рожь ужъ поспѣвала.

Однако молодыхъ

Кое-какъ вывела своихъ;

Да только что летать не смогутъ.

И дѣтамъ говорить:

— «Охъ, дѣти! эта рожь намъ не добромъ грозить:

| Того и жди, что насъ отсюда потревожатъ;

Однако слушайте: я стану отлетать

Вамъ корму промышлять,

А вы смотрите:

| Хозяинъ этой ржи какъ станетъ приходить,

Такъ, что ни будетъ говорить,

Все до послѣдняго мнѣ слова расскажите».

Пришедши днемъ однимъ Хозяинъ между тѣмъ,

Какъ Перепелка отлетѣла,

«А! рожь-та, говоритъ, совсѣмъ,

Какъ вижу я, уже поспѣла.

Пойди-было друзьямъ, пріятелямъ сказать, *)

Чтобъ съ свѣтомъ помогли мнѣ эту рожь пожать».

И! тутъ, помилуй Богъ, какая

Тревога сдѣлалась промежъ перепелятъ!

— «Ахъ! матушка, ахти! кричатъ:

Друзей, пріятелей собирая,

Рожь хочеть съ свѣтомъ вдругъ пожать».

«И!— говоритъ имъ мать:

Пустое! нечего бояться.

*) Слѣдующая строка въ подлинникѣ зачеркнута:

«Чтобъ завтра съ свѣтомъ рожь пришли помочь пожать...»

Мы можемъ гдѣ мы есть съ покоемъ оставаться.

Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ.
Да только завтра тожъ смотрите, *)
Что ни услышите, мнѣ все перескажите».

Пришедъ хозяинъ, ждать, пождать; нѣтъ никого!

«Вотъ, говорить, до одного

Всѣ общались быть, а сами не бывали.
Надѣйся! Ну пойдти-жъ родню свою собрать,
Чтобъ завтра поутру пришли и рожъ пожали».

Тревога межъ перепелятъ,

Гдѣ пуще прежняго! «Роднѣ своей, кричать:

Роднѣ, онъ сказывалъ, собираться!»

— Все нечего еще бояться,
Сказала мать, когда лишь только и всего».

Пришелъ Хозяинъ такъ, какъ приходилъ и прежде,

Да видить, и родни нѣтъ также никого.

| «Нѣтъ, говорить, въ пустой, какъ вижу, я надеждѣ:

Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.

До своего добра никто таковъ какъ самъ.

Знать завтра по утру съ семьей приниматься **)

Хлѣбъ этотъ помаленьку съять».

| «Ну, дѣти! тутъ сказала ***) мать:

Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться». —

Тутъ кто поршкомъ,

Кто кувиркомъ

Ну, поскорѣе убираться ****).

*) Въ подлинникѣ въ той-же строкѣ зачеркнуто: «мнѣ все перескажите».

Ред.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто:

Мнѣ собираться.

И помаленьку хлѣбъ самимъ стараться и проч.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «говорить, услыша это»....

Ред.

****) Въ печатныхъ изданіяхъ басня эта названа: «Перепелка и Крестьянинъ». Кромѣ довольно многочисленныхъ разночтеній въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ печати вовсе нѣтъ слѣдующихъ стиховъ, находящихся въ подлинникѣ:

То есть порой

Такой,

Когда весна лишь наступаетъ

И вдвое, все что есть, любиться заставляетъ,

Да думать какъ дружка найти,

Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкомъ произвести. и проч.

Ред.

XI.

Привилегія.

Какой-то вздумалъ Левъ указъ публиковать,
 Что звѣри могутъ всё впередъ, безъ опасенья,
 Кто только смогъ съ кого, душить и обдирать.
 Что лучше быть могло такого позволенья
 Для тѣхъ, которые деруть и безъ того?
 | Объ этомъ чтобъ указъ знали,
 Его два раза не читали.
 Ужъ то-то было пиршество!
 И кожу, кто лишь смогъ съ кого,
 Похваляютъ знай указъ, да обдираютъ.
 Душъ, душъ погнбло тутъ!
 Что ихъ считаютъ, не сочтутъ.
 Лисицъ мудрено однако показалось,
 Что позволеніе такое состоялось:
 | Звѣрямъ указомъ волю дать
 | Повольно межъ собой другъ съ друга кожи драть!
 Весьма сомнительнымъ Лисица находила,
 | И въ разсужденіи самой и всѣхъ скотовъ.
 <Повывѣдать-бы Льва> *)! Лисица говорила,
 И Львиное Его Величество спросила,
 Не такъ чтобъ прямо—нѣтъ! какъ спрашиваютъ Львовъ:
 По-лиси; на вѣсы влада значенье словъ,
 Все хитростью, обиняками,
 | Все гладкими придворными словами:
 <Не будетъ ли Его Величеству во вредъ,
 Что звѣри власть такую получили?> —
 Но **) сколько хитрости ея ни тонки были,
 | Левъ ей однакоже на то ни да, ни нѣтъ.
 Когда-жъ по Львову разчисленью
 Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
 По Высочайшему тогда соизволенью
 Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться указалъ.
 | Тутъ тѣ, которые жирнѣе всѣхъ казались,
 | Назадъ уже не возвращались.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «Дай Льва о томъ спросить».

**) Предъ частицею «но» въ подлинникѣ зачеркнуто слово. «Левъ».

Ред.

Ред.

«Вотъ я чего хотѣлъ, Лисицѣ Левъ сказать,
 Когда о вольности указъ такой я далъ:
 Чѣмъ жиръ мнѣ по клочкамъ собирать съ звѣрой трудиться *),
 Я лучше дамъ ему спониться.
 Султанъ вѣдь также позволяетъ
 Пашамъ съ народа частно драть,
 А самъ ужъ кучами потомъ съ Пашей сдираетъ:
 Такъ я и разсудилъ примѣръ съ Султана взять».
 Хотѣла-было тутъ Лисица въ возраженье
 Сказать свое объ этомъ мнѣнье,
 И изъясниться Льву о слѣдствіи худомъ;
 Да вобразила то, что говорить со Львомъ.....

А мнѣ хотѣлось-бы, признаться,
 Здѣсь объ откупщикахъ **) слово одно сказать,
 Что также и они въ число Пашей годятся;
 Да также думаю полизья промолчать ***).

*) Далѣе строка зачеркнута:

«Пусть лучше вмѣстѣ онъ скопи».....

Ред.

**) Зачеркнуто: «сказать».

Ред.

***) Въ печатныхъ изданіяхъ, кромѣ мелкихъ разночтеній противъ по-
 длинной рукописи автора (болѣе существенныя — у насъ отмѣчены), вовсе опу-
 щены слѣдующія строки:

«Султанъ вѣдь также позволяетъ

Пашамъ съ народа частно драть,

А самъ ужъ кучами потомъ съ Пашей сдираетъ:

Такъ я и разсудилъ примѣръ съ Султана взять». и проч.

Равнымъ образомъ въ печати нравоученіе изложено совершенно иначе противъ
 подлинника, а именно:

И я бы за Пашей отнюдь не заступился;

Зажаль-бы какъ Лисица ротъ,

Когда-бы въ Турціи родился,

Гдѣ иногда Султанъ со Льва примѣръ береть. и проч.

Ред.

Достойно замѣчанія, что эта басня, многократно невозбранно перепечата-
 вавшаяся съ передѣлками Капниста во всѣхъ изданіяхъ соч. Хемницера, въ
 одно изъ новѣйшихъ собраній басенъ Хемницера не вошла; именно въ изданіе
 Смирдинское басня «Привилегія» не была пропущена цензурой 1850-хъ годовъ!

Ред.

XII.

Поборъ Львиной.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
 Не помню право я, за множествомъ, какихъ,
 Определенныхъ Льву съ звѣринаго народа,
 | Такъ, какъ-бы, напимѣръ, крестьянской нашъ народъ
 Даетъ оброки на господъ,
 И масло такъ-же шло для Львина обихода.
 А этотъ такъ-же сборъ, какъ всякой и другой
 Имѣлъ Приказъ особой свой,
 | Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали,
 Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
 Великъ-ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,
 А сборщиковъ не мало было!
 Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать,
 | То что при сборѣ томъ и какъ происходило:
 Большая часть изъ нихъ, его передавая,
 Катала въ лапахъ напередъ.
 А масло вѣдь къ сухому льетъ;
 Такъ слѣдственно его не мало
 Къ звѣринымъ лапамъ приставало;
 | И царскимъ пользуясь добромъ,
 Огромной масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.
 Однако какъ промежъ скотами,
 Какъ и людскими тожъ душами,
 Не всѣ бездѣльники, а знающіе честь .
 И совѣстныя души есть,
 То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
 Но сверхъ того еще ихъ въ воду опускали,
 Чтобъ масло передать по совѣсти своей.
 Ну, если-бы чѣстныхъ звѣрей
 При сборѣ этомъ не сыскалось,
 То сколько-бъ масла Льву досталось?
 Не знаю, такъ-ли я на вкусъ людей судилъ?
 Я Льву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:
 «Гдѣ сборы
 Тамъ и воры;
 И дѣло это таково:
 Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство» *).

*) Послѣ стиха.

Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.

Въ печатныхъ изданіяхъ, вслѣдствіемъ произвольныхъ передѣлокъ Капниста читаемъ:

Левъ въ этомъ своего не находилъ расчета,

А Слоны, котораго приавалъ

Онъ для совѣта,

Напрямки его величеству сказалъ:

Гдѣ сборы, и проч. (какъ въ подл. рукоп.).

Ред.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ХЕМНИЦЕРА.

I.

Изъ біографіи Хемнипера извѣстно, что отецъ его выѣхалъ въ Россію изъ Саксоніи, прослужилъ цѣлый вѣкъ свой въ Россіи, былъ хорошимъ врачомъ и отличался безкорыстіемъ. Воспитаніемъ сына онъ занимался, сколько позволяли ему средства; далъ ему порядочное образованіе и хотѣлъ посвятить его также медицинскому поприщу. Но будущій баснописецъ почувствовалъ отвращеніе къ анатомическимъ занятіямъ и поступилъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ военную службу. Здѣсь пробылъ Хемницеръ около двѣнадцати лѣтъ (1757—1769 г.) и сдѣлалъ въ этотъ періодъ прусскій походъ. Но Хемницеръ не очень-то сочувствовалъ и военной службѣ, а потому перешелъ изъ поручиковъ въ гиттенфервалтеры при Горномъ училищѣ. Въ 1781 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго совѣтника; черезъ годъ потомъ поѣхалъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну, гдѣ, ровно черезъ полтора года, и умеръ.

Во время службы своей при горномъ училищѣ, маркшейдеръ Хемницеръ вѣздилъ въ Западную Европу.

У меня въ настоящее время въ рукахъ собственноручная „Памятная книжка“ Хемнипера объ этомъ періодѣ его жизни; въ ней помѣщены также поденныя отмѣтки о послѣдней его поѣздкѣ въ Смирну.

Все это набросано въ легучихъ замѣткахъ чрезвычайно коротко и мѣстами неразборчиво; но такъ-какъ здѣсь опредѣлены дни и числа—когда и въ какой мѣстности былъ путешественникъ, и какъ явленія внѣшней жизни писателя часто объясняютъ развитіе его духа и его литературную дѣятельность, то книжка эта безъ сомнѣнія можетъ служить при составленіи его полной біографіи нѣкоторымъ матеріаломъ, преимущественно для сравненія и повѣрки другихъ источниковъ.

Извлекаю изъ нея нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ еще до настоящей поры.

1.

Поѣздка въ Германію, Голландію и Францію.

Пріѣхалъ въ Парижъ Хемницерь 19 февраля 1777 года. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, котораго русская исторія никогда не забудеть, какъ покровителя наукъ и художествъ, былъ тогда въ Парижѣ. При содѣйствіи, конечно, его, и другихъ русскихъ вельможъ, жившихъ тогда во Франціи, а главное, благодаря Соймонову, съ которымъ Хемницерь ѣздилъ за границу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ доступъ во всѣ достопримѣчательныя мѣста Франціи, во всѣ тамошніе дворцы столичные и загородные. Видѣлъ королевское семейство во дворцѣ, въ Версалѣ, видѣлъ тамъ королевскій ужинный столъ, который каждое воскресенье былъ открытымъ. Французскій король носилъ тогда трауръ по португальскомъ королѣ; трауръ былъ фіолетоваго цвѣта. Хемницерь рассказываетъ, что король „во всякой разъ приходя въ церковь придворную, встрѣчаемъ трубами и литаврами, что служитъ возвѣщеніемъ его прихода!“ Въ Версалѣ и въ Парижѣ Иванъ Ивановичъ осматривалъ городскія церкви, и потомъ — опять въ Версалѣ — иностранную коллегію, богатую портретами современныхъ европейскихъ государей; видѣлъ собраніе медалей въ Луврскомъ кабинетѣ; посѣтилъ картинныя галереи: люксамбургскую, гдѣ была Рубенсова галерея, изображавшая исторію Генриха IV, и богатую палерояльскую, принадлежавшую герцогу Орлеанскому, въ которой между прочимъ были: снятіе со креста Рафаэля, картины Каррачи и четырнадцать приключеній Энея; осматривалъ картины въ домѣ принца Ковти; былъ въ королевскомъ ботаническомъ саду:—въ немъ, говоритъ Хемницерь, сдѣланъ былъ павильонъ, „съ высоты котораго видѣли большую часть Парижа. Въ семь самомъ саду кабинетъ натуральной исторіи королевскій, въ коемъ по комнатамъ расположены всѣ царства природы“. Былъ въ саду герцога де-Шартра, обильномъ руинами: египетскими, греческими, римскими—храмами, пирамидами, гротами; въ подземномъ саду madame de Brunoі, „съ павильономъ, который при поляхъ Елисейскихъ“; ѣздилъ въ замокъ фаворитки Лудовика XV—Дюбарри—въ Люсьенъ, и восхищался единственнымъ по вкусу и по обстановкѣ павильономъ, который она тамъ построила и отъ котораго приходили въ восторгъ французы и иностранцы. „По смерти Лудовика XV, рассказываетъ Хемницерь, парламентъ взялъ-было въ казну этотъ домикъ, полагая, что онъ строенъ былъ королевскими деньгами, но нынѣшній король (Лудовикъ XVI) возвратилъ ей его опять назадъ“. Хемницерь былъ на смотру королевскихъ войскъ гвардіи и швейцарцевъ, гдѣ былъ тогда и римскій императоръ. Былъ въ звѣринцѣ, на скачкахъ, въ кон-

цѣркахъ, гдѣ слышалъ, между прочимъ, Stabat mater Перголезе; былъ въ театрахъ—въ Парижѣ и въ Версалѣ.

Въ памятной книжкѣ его записано 28 февраля 1777 года, когда онъ видѣлъ представленіе Танкреда, въ которомъ, по словамъ біографа Хемницера, знаменитый Лавень такъ поразилъ нашего разсѣянаго „небеснаго Ивана“, какъ называли его друзья, — своей игрою, что онъ, забывшись, приподнялся съ мѣста и сталъ кланяться великому артисту, чѣмъ, конечно, произвелъ всеобщій хохотъ въ партерѣ. Въ записной книжкѣ есть перечень тѣхъ пьесъ, какія онъ видѣлъ въ бытность свою въ Парижѣ и Версалѣ. Иванъ Ивановичъ не забылъ посѣтить также королевскую бібліотеку, гдѣ хранились между прочимъ и русскія книги. Былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ при осмотрѣ статуи Ришельё ему повторили извѣстную всякому русскому сказку, будто Петръ Великій, посѣщавшій Парижъ въ 1718 году, обнялъ ее и сказалъ: „О, великій мужъ! для чего ты жилъ не въ мой вѣкъ? я бы тебѣ отдалъ половину моего государства—управлять имъ, чтобъ мнѣ научиться владѣть другою“. Хемницеръ, какъ русскій, видимо смягчилъ эти слова, а то обыкновенно рассказывали въ Парижѣ еще круглѣе и щедрѣе, будто Петръ сказалъ: „я бы далъ тебѣ одну половину моего царства (т.-е. навсегда), чтобъ ты научилъ меня—какъ управлять другою“. Что нашъ Петръ готовъ былъ учиться вездѣ, во всемъ и у всѣхъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но только никакъ не за такую дорогую плату! Мы помнимъ ту скромную цѣну, какую онъ давалъ сардамскимъ плотникамъ за выучку корабельному мастерству; мы знаемъ, какъ отрицался онъ отъ права распоряжаться царствомъ, хотя бы отъ этого зависѣла жизнь его, бывши въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ при Прутѣ.

Иванъ Ивановичъ посѣщалъ госпиталь des orphelins et des enfants trouvés, гдѣ содержали проституткозъ для исправленія; ихъ тогда насчитывали тамъ до 5,500. Хемницеръ объясняетъ основанія, на которыхъ учреждено это заведеніе.

Былъ въ мастерской знаменитаго Грёза и рассказываетъ—какія тогда картины онъ готовилъ. Осматривалъ въ Версали машину Ренкена, доставлявшую воду тамошнимъ фонтанамъ. По показанію Хемницера, машина была отстроена 105 лѣтъ назадъ, и Иванъ Ивановичъ передаетъ при этомъ одну изъ тѣхъ легендъ, которыя обыкновенно въ среднихъ вѣкахъ распускались современниками, когда какое-нибудь чудо искусства особенно поражаело ихъ: Ренкену, который похвалялся построить другую еще лучшую машину въ подобномъ родѣ, изъ боязни и зависти, чтобъ онъ этого не исполнилъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, выкололи глаза. Хемницеръ былъ также—вотъ собственныя

его слова: „въ Севѣ (Севрѣ?) на фарфоровой королевской фабрикѣ, которая по ту сторону St. Cloud, возлѣ самого его: ѣхавъ туда шли черезъ паркъ St. Cloud, гдѣ видѣли каскаду пущенную. Въ фабрикѣ работниковъ пятьсотъ человѣкъ: фабрика, не могли сама себя содержать, получаетъ отъ короля ежегодно сто тысячъ франковъ добавки“.

11-го мая 1777 года Хемницеръ выѣхалъ изъ Парижа. Въ Лейденѣ, въ кабинетѣ Ботаническаго сада, замѣтилъ модель коломенскаго дворца, въ которомъ родился Петръ I; модель была сдѣлана вѣрно, изъ маленькихъ брусковъ, съ волоковыми окнами. Осматривалъ аудиторію профессора Аллемана и въ ней „огненную“ машину для поднятія воды посредствомъ пара; въ другомъ мѣстѣ объ этой машинѣ онъ говоритъ такъ: „Были смотрѣть машину новаго изобрѣтенія, огненную, служащую для подыманія воды, которая не имѣетъ поршней, а основана на теоріи о давленіи воздуха надъ водою и угнаніи ея вверхъ, какъ скоро воздухъ теплотою разжиженъ будетъ въ томъ сосудѣ, въ которомъ она вверхъ подыматься должна“. Осматривалъ у разныхъ профессоровъ натуральные кабинеты, машины; присутствовалъ при опытахъ. Иванъ Ивановичъ ѣздилъ съ Писаревымъ нарочно въ Гарлемъ, въ тамошнюю церковь, слушать устроенные Миллеромъ знаменитые органы; видѣлъ здѣсь модель голландскаго корабля, взяшаго Аміету, и испанское ядро, „влѣпившееся“ въ стѣну. Съ Львовымъ ходилъ пѣшкомъ въ Гаагу, на смотръ голландской гвардіи и швейцарцевъ; гвардіей командовалъ—принцъ Оранскій, а швейцарцами—принцъ Брауншвейгскій. Оттуда ѣздилъ въ Амстердамъ, гдѣ осматривалъ воспитательный домъ (домъ найденнышей) на 1200 мальчиковъ и дѣвочекъ и замѣчаетъ, что „они содержаны умѣренно и не столько щедро, какъ у насъ. Строеніе простое. Они тамъ остаются до 22 лѣтъ и при выпускѣ получаютъ по два раза—по 25 гульденовъ. Учиться могутъ всему внѣ дома у мастеровыхъ и у художниковъ, комъ домъ платитъ: запрещено только учиться кузнечному и слесарному во время ихъ пребыванія въ воспитательномъ домѣ“. Потомъ въ Амстердамѣ осматривалъ великолѣпный домъ городской Ратуши, построенный изъ бѣлаго песчанаго камня, обложенный внутри бѣлымъ же мраморомъ, украшенный тончайшею рѣзьбой и картинами знаменитыхъ голландскихъ мастеровъ: Ванъ-Дика, Рембранда и др. Картины огромной величины,—иныя занимали цѣлыя стѣны. Хемницеръ замѣтилъ между прочимъ Моисея, дающаго законъ народу. Потомъ въ „Амстердамскомъ“ морѣ Хемницеръ поглядѣлъ на лѣсъ мачтъ военнаго и купческаго флота. Въ Езъ-ла-Шапели (въ Аахенѣ) посѣтилъ соборную церковь, видѣлъ тамъ христіанскія драгоценности:

гвоздь съ креста Спасителя, цѣпи апостола Петра и историческія достопримѣчательности: черепъ Карла Великаго, его престолъ, мечъ и пр. Въ Кёльнѣ осматривалъ знаменитый соборъ, проѣхалъ Лимбургъ, Кобленцъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, и 9-го октября 1777 г. возвратился въ Петербургъ.

2.

Повѣдка въ Смирну.

Назначенный въ 1782 году генеральнымъ консуломъ въ Смирну, Хемницеръ выѣхалъ изъ Петербурга въ ночь съ 6-го на 7-е іюня; ѣхалъ на Москву, Серпуховъ, Тулу, Курскъ, Сорочинцы, заѣзжалъ въ село Обуховку къ Капнисту, оттуда на Кременчугъ въ Херсонъ. Въ Москвѣ Хемницеръ останавливался въ домѣ М. Ф. Соймонова и выѣхалъ изъ Москвы 18-го іюня. У Петра Васильевича Капниста, въ Обуховкѣ, онъ прожилъ нѣсколько дней и выѣхалъ на другой день Петра и Павла; въ Херсонъ пріѣхалъ 5-го іюля. Существованію Херсона не было тогда еще и трехъ лѣтъ. Въ это время, по словамъ Хемницера; Херсонъ съ крѣпостью и предмѣстьями раскинутъ былъ уже вдоль Днѣпра верстъ на семь, имѣлъ много кирпичныхъ и бѣлаго тесаннаго камня домовъ и магазиновъ. На стапелѣ стояло шесть готовыхъ линейныхъ кораблей; нѣсколько фрегатовъ красовались уже на водѣ. За годъ передъ тѣмъ, спущенъ первый выстроенный здѣсь корабль „Борисоенъ“; онъ принадлежалъ Фалѣеву, былъ одинаковъ военный, но такъ-какъ нашимъ военнымъ кораблямъ по трактату съ турками не позволялось проходить черезъ Босфоръ, то онъ пущенъ былъ подъ именемъ купеческаго и доходилъ до Марсели. Корабельный лѣсъ привозили сюда: дубовый—изъ Польши, сосновый—изъ Брянска. Хемницеръ замѣтилъ въ Херсонѣ много садовъ; онъ говорить, что тогда разводили и виноградъ, который, казалось ему, хорошо принимался; находилъ, что карантинный домъ здѣсь хорошо расположенъ. Хемницеръ гостилъ у Ивана Абрамовича Ганнибала, строителя города, на дачѣ его Бѣлозерки, въ 15 верстахъ отъ Херсона; дача очень понравилась Хемницеру по мѣстоположенію. Здѣсь видѣлъ онъ устроенную Ганнибаломъ „машину водяную для поливанія сада, весьма хорошей выдумки. Воду поднимаютъ въ бассейнъ насосами, а оттуда уже пускаютъ ее въ каменные желобы, наружи вдоль кварталовъ сада расположенные, изъ коихъ вода, будучи въ боковые въ нихъ проверченныя скважины въ садъ пущена, понимаетъ кварталы сада“.

По именному высочайшему повелѣнію, особая яхта должна была довести И. И. Хемницера изъ Херсона въ Смирну. Яхта ждала Хем-

ницера подъ Глубокиѣмъ—это слобода въ 35 верстахъ отъ Херсона; на яхтѣ былъ командиромъ капитанъ-лейтенантъ Лѣвовъ Ивановичъ Лавровъ. 23-го юля, въ 9 часовъ утра, яхта снялась съ якоря; вѣтры были часто противныя, такъ что Хемницеръ прибылъ въ Буюкъ-дере только 14-го августа.

„Предмѣстье цареградское Буюкъ-дире, пишетъ Хемницеръ, мѣсто, гдѣ лѣтомъ всѣ министры иностранныя въ загородныхъ дачахъ живутъ. Здѣсь должно о каналѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ и Мраморное съ Средиземнымъ, упомянуть, какъ о вещи, которую природа дѣйствительно для удивленія и пораженія произвела: величественнѣе сего вида, какой каналъ сей имѣеть, едва ли гдѣ на земномъ шарѣ найти можно. Подъѣзжая моремъ верстъ за сто начинаютъ уже показываться страшныя тѣ возвышенія и горы, съ обѣихъ сторонъ его вмѣщающія. Чѣмъ ближе, тѣмъ явственнѣе открываясь, встрѣтятся во-первыхъ крѣпости — сіи такъ-называемыя Дарданеллы, на устьѣ канала съ обѣихъ сторонъ построенныя съ ихъ маяками. Потомъ, въѣзжая уже въ самый каналъ по обѣимъ сторонамъ, при встрѣчѣ новыхъ крѣпостей (коихъ всего шесть до Буюкъ-дире) и каждая иначе построена (надобно знать, что на турецкую стать, каковы напримѣръ старинныя русскія или готическія крѣпости бывали, то-есть, каменные стѣны, выведенныя вверхъ по горѣ амфитеатромъ, въ два и въ три яруса пушки, коихъ лафеты совершенно съ ихъ пушками неподвижны)—представляются вдоль всего канала, который идетъ колѣнами, отъ колѣна до другого версты по двѣ, по три, и больше, и меньше, увеселительныя дома съ цѣлыми селеніями и садами по достигающимъ почти до облаковъ возвышеніямъ, ниже и выше по нихъ разсыянныя. При каждомъ поворотѣ канала сцена вообще перемѣняется и все величественнѣе становится. Горы, изъ-за горъ видимыя, больше и меньше ясны за воздухомъ, по мѣрѣ большей или меньшей отдаленности, кажутся непрерывно продолжающимися. Словомъ, кажется, что природа въ разсужденіи величественнаго и разнообразіемъ поражающаго вида, всѣ свои силы истощила на сіе мѣсто. Сады, по чрезвычайной величинѣ кедровыхъ, а особливо кипарисныхъ деревьевъ и даже лавровыхъ, кажется, существованіемъ своимъ напоминаютъ о первоначальныхъ временахъ міросозданія. Широта канала при устьѣ съ черноморской стороны около четырехъ верстъ, а потомъ далѣе $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ версты и около; глубина на серединѣ въ 40, 50 и 60 сажень. Принадлежащій домъ и садъ русскому министру превосходитъ всѣхъ протчихъ огромностію и великолѣпіемъ; мѣста подъ садомъ и домомъ считается 52,700 квадратныхъ пиковъ, а въ каждомъ полагается 1 съ $\frac{1}{4}$ аршинъ. Садъ весь и сей простирает-

ся по возвышеніямъ, дѣлая разные по всѣмъ высотамъ повороты, или, лучше сказать, амфитеатромъ расположенъ; каждый уступъ поддерживается каменнымъ контрафорсомъ. Въ семь-то саду, въ одномъ мѣстѣ, четырнадцать вмѣстѣ выросшихъ лавръ, которые около корня обложены кругомъ каменною лавочкою, величины такой, что на строевой лѣсъ годны быть могли бы, если бы кто Геростратовъ поступокъ повторить хотѣлъ. Мнѣ кажется что россійскимъ словомъ Царь-градъ все сказано, что только сказать о такомъ мѣстѣ можно: но, по нынѣшнему строенію и образу жизни людей, можно справедливѣе сказать Царь-мѣсто“.

Хемницеръ ѣздилъ изъ Буюкъ-дере съ секретаремъ посольства, Иваномъ Ивановичемъ Северинымъ, и итальянцемъ, ювелиромъ Виченци, на лодкѣ въ Царьградъ. Въ это время былъ рамазанъ. (Объ этомъ было его письмо Николаю Александровичу Львову). Ѣздилъ верхомъ съ Северинымъ и однимъ англійскимъ купцомъ въ деревню Пиргосъ (въ двадцати верстахъ отъ Буюкъ-дере), чтобъ видѣть тамъ, пишетъ онъ: „Римлянами при царѣ Юстиніанѣ построенные водоводы... сіи водоводы отмѣнены отъ прочихъ, коихъ около Пиргоса еще больше и пространнѣе сего, такъ, что арвовъ до шестидесяти имѣютъ, однако въ одинъ только рядъ, а римскіе и въ три ряда: къ тому же въ римскихъ ходить можно помощію лѣстницъ, внутри изъ одного ряда сводовъ въ другой провождающихъ; а въ другихъ нѣтъ. Водоводы сіи существованіемъ своимъ, почти невѣроятнымъ, одолжены римскому имени, ибо ихъ съ тѣхъ поръ почти не починивали. Вода, по верху ихъ текущая и капающая по стѣнамъ, и между камней по сводамъ пробивающаяся, составила во многихъ мѣстахъ цѣлныя глыбы stalactita или капельника“.

Онъ записалъ, что и министры константинопольскіе были у него съ визитомъ, но записалъ это не изъ тщеславія, а „чтобъ отписать въ коллегію“: вѣроятно, это требовалось по службѣ.

Въ день выѣзда изъ Буюкъ-дере, 9 сентября, у султана родился сынъ, и была по этому случаю пальба.

То по непостоянству вѣтра, то по безвѣтрію, только 15 сентября вечеромъ пришли „къ предпоследнимъ“ Дарданелламъ, гдѣ и остановились, „потому что надлежало дождаться осмотра отъ турокъ, которые на другой день утромъ пріѣхали“. У Хемницера есть анекдотъ о турецкихъ таможенныхъ чиновникахъ. „Когда, по последнему коммерческому трактату, отмѣнили двойную пошлину, то турки пришедъ таможенные съ объявленіемъ о томъ извѣстались такъ: „намъ дано повелѣніе—что кто хочетъ изъ русскихъ платить пошлину, платить, а кто не хочетъ—не платить, стыдись по гордости своей сказать,

что они такого рода уступку русскимъ сдѣлать согласиться должны были“.

Подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, подъ вѣяніемъ поэзіи Гомера, Хемницеръ съ душевнымъ волненіемъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ была „Царственная Троя“, хотя ни малѣйшихъ остатковъ ея давно уже не было, а стояли какія-то двѣ-три башни, часть стѣны и ворота, но гораздо позднѣйшей постройки.

Наблюдательный Хемницеръ замѣтилъ, что „вода морская въ Черномъ морѣ, въ каналѣ Цареградскомъ, да еще и въ Бѣломъ морѣ бирюзоваго цвѣта, а вышедъ изъ Бѣлаго моря—лазуреваго“.

20 сентября 1782 года Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну.

3.

Въ числѣ замѣтокъ о путешествіи по Европѣ и о поѣздѣ въ Смирну, въ памятной книжкѣ Хемницера есть отдѣлъ подъ названіемъ: „Коммисіи и исполненія“. Что занимало Ивана Ивановича въ то время? Въ книжкѣ, между прочимъ, записано: „Справиться въ Смирнѣ о Некрасовцахъ и Балдунскихъ казакахъ, бывшихъ въ Крыму при Петрѣ I и въ послѣднюю войну ушедшихъ и поселившихся въ Анатолиі; и отписать въ коллегію; устроить дѣло о паспортахъ для лицъ, прибывающихъ къ намъ на корабляхъ, чтобъ обезопасить Россію отъ внесенія чумы; дать знать, что русскимъ выгоднѣе торговать черезъ Черное море пенькою, нежели канатами; надо надоумить, чтобъ наши купцы оговаривали въ контрактахъ, на какіе фунты идетъ у нихъ продажа или покупка — на смирнскіе или цареградскіе, такъ какъ между ними разница въ вѣсѣ; собирать въ Смирнѣ разное анатолійское дерево, лавы, мраморы, кораллы, узнать въ Смирнѣ— „почему куда фрахтовыхъ денегъ берутъ и дать знать министру цареградскому“. Кромѣ анекдота объ отмѣнѣ двойной пошлины, есть въ памятной книжкѣ еще два турецкихъ анекдота, которые не потеряли свою цѣну и въ наше время; есть нѣсколько мелкихъ стиховъ, преимущественно двустихій, и собственныхъ его, и его пріятелей; есть разныя наброски, замѣтки, рецепты, счета, адреса чернилами и карандашемъ по-русски, а также нѣсколько по-французски и по-нѣмцки.

Вотъ другой изъ турецкихъ анекдотовъ, онъ интересенъ тѣмъ, что дошелъ къ Хемницеру, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ: его передалъ нашему баснописцу драгоманъ его Омеро, бывшій самовидцемъ того, что въ немъ рассказывается. Анекдотъ озаглавленъ Иваномъ Ивановичемъ: „Благородная отвага россиянина“.

„Одному Рос. купцу, именемъ Михайлову, случилось быть въ Крыму съ товарами и съ нимъ нѣсколько товарищей во время хана,

предѣстника Шагинъ Гирей. Случилось быть ему на берегу, когда крымцы пушки, въ Крымъ привезенныя, выгружали; должно знать, что уже война послѣдовавшая близка была. Ханъ, будучи на берегу же, говорилъ русскому нашему купцу: „вотъ это все вамъ гостинцы послать готовятся, которые дадутъ вамъ знать“! Купецъ, ничего не отвѣчая, началъ пушки мѣрить пяденью. Ханъ спросилъ его: „на что ты пушки мѣришь“?—„На то, чтобъ узнать—улягутся ли онѣ на наши сани, когда ихъ намъ къ себѣ отвезти доведется“. Ханъ выбрани его оплевывался“.

Вотъ одно изъ анакреонтическихъ двустишій Хемницера:

«Ты розу мнѣ въ залогъ любви своей дала,
А у меня за то ты душу отняла».

На эту тему нѣсколько вариантовъ.

Вотъ одно изъ стихотвореній, обращенное къ нему и написанное, судя по женской формѣ глагола, дамой. Оно озаглавлено Хемницеромъ въ его книжкѣ такъ: „Эпиграмма въ Вѣстникѣ на мѣсяцъ ноябрь 1779 года“.

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ,
Ихъ истина располагала,
Природа рассказала,
(Хемницеръ) написалъ *).

Вотъ одинъ изъ набросковъ; онъ писанъ по-французски и, можетъ статься, есть только выписка изъ какого-нибудь другого автора, но онъ характеристиченъ по примѣненію къ нашему писателю.

„Я не страшусь враговъ, которые могутъ мнѣ вредить, отнимая мою собственность, или лишая меня счастья, котораго я не ищу. Слѣдовательно, я не имѣю ничего, чѣмъ бы они могли воспользоваться. Что жъ касается до моего поведенія, то оно таково, что не страшится законовъ“.

Вотъ любопытныя зародыши эпиграммъ на Хераскова и Петрова-

1) „Ну, что Херасковъ, ты шумишь, что я про дурныя твои сочиненія то и то сказалъ; да ты спасибо мнѣ скажи, что я о томъ, да о томъ промолчалъ, что я не вывелъ наружу въ нихъ то и то... Когда не перестанешь ты меня бранить, не перестану я то и то о сочиненіяхъ твоихъ говорить, и скажу то и то... Итакъ, совѣтъ благой

*) Въмѣсто: Хемницеръ, поставлены точки. Послѣдніе два стиха приведены въ 1-й статьѣ моей (Рус. Стар. изд. 1872 г. т. V стр. 222) по преданію, слышанному въ семействѣ Львовыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта такъ-названная эпиграмма написана Марьей Алексѣевной Львовой, которой басни были посвящены. Она напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1779 г. (ч. IV, стр. 360). Я. Г.

мой тотъ, чтобъ ты молчалъ, когда не хочешь ты, чтобъ все я рассказывалъ“.

„2) Какъ можно ему ладить съ Петровымъ! Онъ старается какъ можно вразумительно для каждаго писать, а Петровъ старается какъ можно больше, чтобъ его никто не разумѣлъ“.

4.

Вотъ неразвитыя сѣмена нѣсколькихъ басенъ въ прозѣ:

1) „Когда мухи досаждаютъ, то, чтобъ отъ нихъ отбиться, лучшее средство—поставить имъ пищу, и онѣ тебя покинутъ и обратятся всѣ на поставленное для нихъ лакомство“.

2) Басня: „Опасно въ секретѣ съ кѣмъ-нибудь быть“.

3) Басня: „Законъ—ничто безъ исполненья“.

4) „Человѣкъ желалъ богатства, судьба ему дать его хотѣла; наѣхалъ онъ гору золотой руды; но будучи невѣжда, счелъ ее за простой камень и проѣхалъ мимо, а ропотъ на судьбу все продолжаетъ. Судьба ему сказала:

«Будь тѣмъ доволенъ, что имѣешь,
Ты быть счастливымъ не умѣешь».

Къ послѣдней баснѣ Хемницеръ сдѣлалъ такую отиѣтку: „эту басню отнести къ той, что невѣжда въ саду отъ невѣжества вырвалъ траву хорошую вмѣсто дурной“.

Есть и еще нѣсколько такихъ басенъ вчернѣ, прозой, но уже перечеркнутыхъ, такъ какъ онѣ воплощены были потомъ въ стихи.

Есть наконецъ въ памятной книжкѣ добавокъ къ баснѣ „Зеленый осель“. Хемницеръ хотѣлъ, но какъ видно не осуществилъ это, поставить въ началѣ басни слѣдующіе стихи:

«Иной шути дурачество заводитъ
И дураковъ прямыхъ наружу тѣмъ выводитъ».

Имѣются тутъ и два другіе стиха, какъ вариантъ въ томъ же смыслѣ.

Кромѣ памятной книжки Хемницера, я имѣю особо двѣнадцать его басенъ; всѣ онѣ переписаны собственной его рукой; изъ нихъ составила тетрадка, въ восьмую долю листа. Всѣ эти басни, какъ читатель уже замѣтилъ очень отличаются отъ того, что съ именемъ Хемницера явилось послѣ его смерти и въ теченіи почти столѣтій принималось и заучивалось подъ его именемъ. Къ сожалѣнію, водяного клейма съ обозначеніемъ года, на бумагѣ нѣтъ. Всѣ эти басни и сказки приведены выше. (См. стр. 583—594).

Въ домѣ родственниковъ Хемницера хранится портретъ его, при-

писываемый кисти Лампи; онъ, по моему мнѣнію, характеристичнѣе тѣхъ портретовъ, которые въ нашихъ академіяхъ наукъ и художествъ и въ с.-петербургскомъ университетѣ. вмѣсто веселаго, безпечнаго лица, какимъ представленъ Хемницеръ въ университетскомъ и академическихъ портретахъ,—въ портретѣ, писанномъ Лампи, онъ является тѣмъ застѣнчивымъ, тѣмъ задумчивымъ и симпатичнымъ Хемницеромъ, какимъ представляется онъ въ своихъ произведеніяхъ и биографіи. Глядя на этотъ портретъ, чувствуешь, что только при этихъ меланхолическихъ чертахъ возможны были тѣ забавные анекдоты, которые рассказывали про его разсѣянность его современники. Разъ, напримѣръ, обѣдая въ большомъ обществѣ, онъ за первымъ блюдомъ услышалъ какой-то замѣчательный разговоръ; разговоръ такъ его поразилъ, что онъ подъ конецъ обѣда, позабывъ, гдѣ его слышалъ, сталъ опять рассказывать только что сообщенное происшествіе какъ новость. Это, конечно, возбудило въ присутствующихъ большой смѣхъ. Хемницеръ до того этимъ смущается, что вскакиваетъ изъ-за стола и бѣжитъ вонъ. Но тутъ — новая разсѣянность! убѣгая, онъ схватываетъ вмѣсто платка салфетку и прячетъ въ карманъ. „Куда вы? кричатъ ему въ слѣдъ, и зачѣмъ вы чужую салфетку уносите?“ Это останавливаетъ бѣглеца, онъ запускаетъ руку въ карманъ и дѣйствительно вынимаетъ салфетку. Въ первую минуту онъ приходитъ въ ужасъ; его мнительности представляется, что его сочтутъ за вора. Но кругомъ всеобщій, добродушный хохотъ приводитъ его въ сознаніе—и онъ наконецъ смѣется самъ надъ собой. Портретъ Лампи представляетъ Хемницера, сколько помнится, моложе того, какимъ онъ писанъ въ другихъ извѣстныхъ портретахъ, и въ костюмѣ, хотя также официальномъ, но другого цвѣта и покроя. Кроткая душа Хемницера такъ и свѣтится въ его дѣтски-добрыхъ глазахъ на портретѣ, а что онъ былъ добръ и обладалъ сердечной мягкостью—это замѣтно даже изъ эпиграммъ, которыя онъ готовилъ на Хераскова и Петрова, о чемъ я уже говорилъ. Видимо, онъ набросалъ ихъ подъ вліяніемъ неудовольствія; эти наброски, само-собой, на первыхъ порахъ не были доступны ни для чьего посторонняго глаза, стало быть Хемницеръ могъ бы излить здѣсь свои чувства не воздерживаясь, и однакожь онъ ни однимъ оскорбительнымъ эпитетомъ не обозвалъ своихъ противниковъ, ни однимъ жесткимъ словомъ не укоряетъ ихъ, и вѣроятнѣй всего, что эпиграммы эти такъ и не увидѣли свѣта Божьяго.

Г. П. Надхинъ.

II.

Материалы для біографіи Хемницера существенно пополняются отысканшеюся у Г. П. Надхина подлинною записною книжкою баснописца, которая не была мнѣ извѣстна до напечатанія первой статьи моей о немъ.

По желанію редакціи Русской Старины и г. Надхина, дополняю свою монографію („Рус. Стар.“ изд. 1872 г. т. V, стр. 215—234) нѣсколькими замѣчаніями объ этой любопытной рукописи и извлеченіями изъ нея, независимо отъ тѣхъ, которыя уже сдѣланы самимъ владѣльцемъ тетради.

Вновь открытая записная книжка (въ малую осьмушку, въ ветхомъ кожаномъ переплетѣ) сходна по формату и роду замѣтокъ съ другими, прежде полученными мною отъ И. С. Капниста, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что ведена болѣею частью въ дорогѣ и во время пребыванія Хемницера сперва въ западной Европѣ, а потомъ на Востока. Такимъ образомъ она начата въ 1777 году въ Германіи, а кончена въ 1783 г. въ Смирнѣ, незадолго передъ смертію баснописца. Впрочемъ въ ней есть и отмѣтка отца его, сдѣланная по-нѣмецки въ 1786 году. „Наслѣдство моего сына, пишетъ онъ, составляетъ всего: изъ англійскаго банка — 6,552 руб.; брильянтъ 600 руб.; отъ продажи вещей 760 руб.; по векселю 900 руб. Итого 8,812 руб. 88 коп.—Егоръ Карповичъ Валеріанъ получаетъ половину — 4,406 руб. 44 коп.“. Названный здѣсь Валеріанъ, женатый на младшей сестрѣ баснописца Марьѣ Ивановнѣ, былъ членомъ медицинскаго совѣта, главнымъ врачомъ петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя и врачевнымъ инспекторомъ здѣшняго порта. Марья Ивановна пережила всю свою родню и умерла въ 1819 году, семидесяти лѣтъ отъ роду. О родителяхъ Хемницера могу теперь добавить слѣдующее. Отецъ (Johann Adam Chemnitz), родомъ изъ Фрейберга, проживъ около 74-хъ лѣтъ, умеръ въ апрѣлѣ 1789 г. въ Петербургѣ; мать, Софья, родилась въ Кѣнигсбергѣ, а умерла въ Петербургѣ-же, вскорѣ послѣ мужа, въ сентябрѣ того же года, 68 лѣтъ. За Іоанна Адама Хемницера вышла она въ 1742 году, и имѣла отъ него трехъ сыновей и четырехъ дочерей*).

*) За эти свѣдѣнія обязаны мы П. Н. Петрову, выписавшему ихъ изъ архива лютеранской церкви св. Анны. Черезъ посредство г. Надхина получены мною еще слѣдующія извѣстія о родныхъ Хемницера. Другая его сестра была въ замужествѣ за Брозиннымъ, смотрителемъ и экономомъ Смольнаго монастыря, гдѣ разведенный имъ садъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ его именемъ. Жена его, оставшись вдовою, была начальницею одного изъ казенныхъ заведеній. У г-жи Валеріанъ была единственная дочь Катерина Егоровна, вы-

Кромѣ приведенной замѣтки отца Хемницера, все остальное въ памятной книжкѣ писано довольно тщательнымъ почеркомъ нашего автора, отчасти карандашемъ, почти уже стершимся отъ времени, но большею частью перомъ; вообще замѣтки писаны по-русски, но есть также и нѣмецкія и французскія. Содержаніе книжки можетъ быть раздѣлено на нѣсколько отдѣловъ: 1) дневникъ путешествія, особенно по Франціи; 2) журналъ поѣздки въ Смирну; 3) разныя справочныя и памятныя замѣтки, относящіяся къ обоимъ путешествіямъ, какъ-то: списки знакомыхъ, адреса, порученія, свѣдѣнія о монетахъ и разстояніяхъ, счета, рецепты, и проч.; 4) выписки изъ книгъ и журналовъ, особенно на французскомъ языкѣ, заглавія книгъ для памяти; 5) собственные мысли и стихи Хемницера, какъ матеріалы для дальнѣйшей разработки; его же нѣмецкіе и французскіе стихи. Послѣдній отдѣлъ начинается съ другого конца книжки; вся же середина ея состоитъ изъ бѣлыхъ листовъ.

Къ сожалѣнію, журналъ путешествія по западной Европѣ ограничивается только описаніемъ того, что осматривалось; о впечатлѣніяхъ же и вообще о подробностяхъ, лично относящихся до Хемницера и его начальника Соймонова, котораго онъ сопровождалъ, почти вовсе нѣтъ рѣчи. Обыкновенно авторъ выражается въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа, разумѣя тутъ особенно Н. А. Львова; изрѣдка онъ упоминаетъ о своихъ спутникахъ и специально. Сперва идетъ на нѣмецкомъ языкѣ маршрутъ переѣздовъ по Германіи, начинающійся такъ: „23-го января нов. ст. (1777) выѣхали мы изъ Дрездена въ Лейпцигъ и проѣхали черезъ слѣдующія мѣста“... Въ Лейпцигѣ путешественники взглянули только на памятникъ Геллерта и тотчасъ поѣхали далѣе; черезъ Франкфуртъ и Кѣльнъ они 1-го февраля прибыли въ Нимвегенъ, первый голландскій городъ; въ Лейденѣ послѣднили повидаться съ однимъ изъ университетскихъ профессоровъ. Пробывъ дня три въ Амстердамѣ, поѣхали черезъ Лейденъ, Роттердамъ, Антверпенъ и Брюссель во Францію. „Въ Парижъ прибыли, отмѣчаетъ Хемницеръ уже по-русски, 1777 г. февраля 19-го, пополудни въ 4-мъ часу, и взяли квартиру въ Hotel de Monpensier, гдѣ заплатили въ мѣсто сутокъ за двоихъ 6 большихъ еку, выѣхавъ въ слѣдующій день въ квартиру Hotel d'Autriche dans la rue Traversiere, non loin de la rue St. Honoré“. Отсюда собственно начинаются краткія дневныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что путешественники всего прилежниѣе, не пропуская почти ни

шедшая замужъ сперва за Деламара, провіантмейстера морского вѣдомства, а по смерти его за полковника Яковлева. Дочь отъ этого послѣдняго брака, Наталья Петровна, въ замужествѣ Нивитина, остается имѣть представительницею, по женской линіи, рода Хемницеровыхъ.

Я. Г.

одного дня, посѣщали театр: Хемницеръ никогда не забываетъ упомянуть, въ какомъ именно театрѣ они были и какую пьесу видѣли, называя часто и замѣчательныхъ артистовъ; безпрестанно смѣняются заглавія произведеній Корнеля, Расина, Вольтера. 23-го и 27-го февраля путешественники обѣдали у русскаго посланника, князя Ив. Серг. Барятинскаго, а 10-го марта у И. И. Шувалова, который, какъ извѣстно, почти съ самаго начала царствованія Екатѣрины II жилъ за границей и воротился въ Россію не прежде сентября 1777 г., т. е. незадолго до возвращенія на родину и Соймонова съ Хемницеромъ *). Мало по малу дорожныя замѣтки послѣдняго становятся все подробнѣе, особенно при разсказѣ о произведеніяхъ искусствъ и техническихъ работахъ. Въ статьѣ г. Надхина уже сдѣланы нѣкоторые выписки изъ этихъ любопытныхъ отчетовъ Хемницера.

8-го мая записано: „Ѣздили прощаться; обѣдали у князя (Барятинскаго) и проѣзжались по бульвару“. 10-го мая было послѣднимъ днемъ пребыванія въ Парижѣ, и Хемницеръ съ Н. А. Львовымъ не пропустили случая побывать, на прощанье, въ итальянской комедіи, гдѣ въ первый разъ давали пародію на оперу „Касторъ и Поллюксъ“. Любопытенъ слѣдующій полунѣмецкій, полурусскій списокъ парижскихъ знакомыхъ Хемницера (подъ заглавіемъ Bekanntschaften in Paris): „Der Ministre Fürst Iwan Сергѣевичъ; Николай Константиновичъ Хотинской, посольства надворной совѣтникъ; г. Александръ Іевичъ Писаревъ, майоръ; г. Глебовъ, полковникъ“.

14-го мая путешественники уже знакомыми имъ мѣстами возвратились въ Лейденъ; съ ними былъ и названный сейчасъ Писаревъ, какъ видно изъ отгѣтки: „Ѣздилъ я съ г. Писаревымъ на шойтѣ, то есть на голландской баркѣ въ Гарлемъ слушать органы, считаемые первыми...“ Изъ Лейдена поѣхали 7-го іюня черезъ Бри и Матрихтъ въ Аахенъ, откуда черезъ нѣсколько дней отправились въ Спа, „гдѣ еще весьма немного напли пріѣхавшихъ. 16-го былъ балъ въ ассамблейной залѣ, гдѣ и мы были“.

Въ прежней статьѣ моей о Хемницерѣ (стр. 219) уже было замѣчено, что въ Спа Львовъ отдѣлился отъ путешественниковъ и одинъ уѣхалъ въ Россію. Въ этомъ городѣ, вѣроятно, Соймоновъ, отпросившійся въ отпускъ по болѣзни, а можетъ-быть и Хемницеръ пили минеральныя воды. Между стихами, въ записной книгѣ, мы находимъ такую шутку:

Кто пить желаетъ воды,
Оставить долженъ моды

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что въ отпускъ Хемницеръ былъ уволенъ 26 октября 1776 г. (П. Н. Петровъ, по свидѣнію изъ Сен. архива, кн. 139, высоч. повел. л. 377).

И попросту ходить,
 Не много ѣсть, вина не пить,
 Отъ всѣхъ красавицъ удалиться,
 Въ шестомъ часу вставать, поранѣй спать ложиться,
 Всѣ грусти позабыть, ни мало не вздыхать,
 Оставить чтеніе и болѣе гулять.

Слѣдуя этимъ правиламъ, Хемницеръ во время пребыванія въ Спа пересталъ вести свой дневникъ, который возобновляется только въ сентябрѣ. 10-го числа этого мѣсяца путешественники выѣхали оттуда, и черезъ Вербье прибыли въ Дюссельдорфъ, гдѣ особенно подробно была осмотрѣна и описана Хемницеромъ картинная галерея Рубенса. Изъ Кѣльна въ Кобленцъ ѣхали дорогою римскихъ императоровъ; потомъ отправились въ Лимбургъ, а оттуда въ Франкфуртъ на Майнѣ мимо зельцерскаго источника, у котораго выходили и пробовали воду въ толпѣ людей, черпавшихъ ее кружками. „Весь этотъ путь, замѣчаетъ Хемницеръ, продолжая дневникъ опять по-нѣмецки, совершили мы въ обществѣ генерала Петерсона, графа Скавронскаго и майора Мейера“. Цѣлая страница занята спискомъ знакомствъ, приобретенныхъ въ Спа. Между множествомъ иностранцевъ, большею частью бароновъ и графовъ, записаны тутъ слѣдующія русскія имена: „князь Мещерскій, гвардіи поручикъ; кн. Вас. Вас. Долгорукій, гвардіи майоръ; г. Пушкинъ, майоръ; Федоръ Федор. Вятковскій, поручикъ гвардіи; графъ Скавронскій; его пр. г. Петерсонъ полковникъ Гаврилъ Ильичъ Бибиковъ; полковникъ Грабовскій, бывший у насъ въ гвардіи офицеръ, а нынѣ въ польской; поручикъ Лизандеръ, въ русской службѣ“. Изъ иностранцевъ замѣтимъ барона Гейница, статскаго совѣтника прусской службы и директора горной части, съ которымъ Хемницеръ изъ Аахена ѣздилъ осматривать желѣзный и пушечный заводъ.

Замѣтки на обратномъ пути въ Россію, писанныя карандашемъ, чрезвычайно кратки и неясны. По выѣздѣ 20-го сентября изъ Франкфурта, останавливались въ Эрфуртѣ ради воспоминанія о Лютерѣ, и въ Лейпцигѣ, откуда заѣзжали въ Люценъ взглянуть на памятникъ убитаго тамъ Густава-Адольфа. Два дня пробыли въ Берлинѣ, откуда выѣхали 29-го сентября нов. ст. и черезъ Кѣнигсбергъ и Мемель возвратились 9-го октября ст. ст. въ Петербургъ.

Живя здѣсь, Хемницеръ не забывалъ своей записной книжки и вносилъ въ нее изрѣдка разныя отмѣтки. Между прочимъ вниманіе обращаетъ на себя остатокъ полувыврванной страницы, на которомъ записывалось, кому онъ выдавалъ изъ своей библіотеки книги. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ отмѣтокъ, писанныхъ большею частью по-французски:

Капнисту были выданы: 1-й томъ сочиненій Вольтера и собраніе сочиненій Жанъ-Батиста Руссо, Philosophie de la Nature и Systeme de la Nature.

Валериану (шурина Хемницера) Линнеева система.

Г. Толстому Les trois imposteurs.

Сестрѣ Хемницера: 1 часть „Мояхъ досуговъ“ М. Попова.

Андрею Ивановичу (брату его?) журналъ „Трутень“.

Вильгельму Ивановичу (другому брату?) „Елисей“, поэма Майкова и 1-й томъ писемъ Эйлера физическихъ. *)

Г. Лемке: сочиненія Фридриха II и „Записки Манштейна“.

Г. Маттеи: „Металлургія“ Ломоносова; I часть трудовъ вольнаго эконолическаго общества.

Карамышеву (сослуживцу Хемницера по горному училищу): Oeuvres chimiques par Le Sage и Lettres touchant l'affaire de Struensee.

Марьѣ Федоровѣ (?) „Освобожденный Иерусалимъ“ Тасса.

Изъ этого списка можно заключить, какъ разнообразна была библиотека нашего писателя. Особенно вспомнить оныя свою памятную книжку, когда рѣшена была его поѣздка въ Смирну. Тутъ начинается рядъ чрезвычайно интересныхъ замѣтокъ, писанныхъ частью въ Петербургѣ, во время приготовленій къ отъѣзду, частью въ дорогѣ, потомъ въ Константинополь и въ самой Смирнѣ. Въ дополненіе къ сдѣланнымъ г. Надхинымъ выпискамъ считаю нужнымъ представить здѣсь еще слѣдующія извлеченія, сохраняя въ нихъ орографію подлинника.

1.

Комиссія и исполненія.

(Сказать Яв. Ив. Бул. отъ сестрицы его о сафіянахъ чтобъ ихъ прислать разнаго рода—что дѣти учатся теперь у учителя—что писемъ отъ него не имѣютъ, что Павлуцикинъ отецъ здоровъ**).—Спросить кому изъ консуловъ въ Смирнѣ визитами мнѣ начать. Не лучше ли безъ порядка или съ младшихъ.—Приѣхавъ въ Смирну разослать увѣдомительные письма по всѣмъ близкимъ мѣстамъ.—Форму у министра спросить о наппортахъ и о доношеніяхъ.—Взять уставъ тарифамъ и пошлинамъ.—Пашпорты пропускные могу я давать не только своимъ, но и иностраннымъ—отписываясь о томъ къ министру, то есть релационное писать о томъ же и въ коллегію. А секретное, естли

*) Объ Ив. Абрам. Ганнибалѣ, о которомъ еще нѣсколько разъ упоминается ниже, и между прочимъ какъ о строителѣ Херсона, см. соч. Пушкина (изд. Анненкова), т. V, «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», стр. 6.

Я. Г.

*) Скобками () означены мѣста, зачеркнутыя самимъ Хемницеромъ въ записной книжкѣ его. Рѣчь идетъ о домѣ посланника Булгакова. Я. Г.

quelques turcs ou grecs voudront quitter leur pais et s'etablir chez nous, писать цифрами.—Ганнибала*), или отъ кого зависить, просить о извѣщеніи коллегіи тѣмъ что я отправился за границу, дабы коллегія знать могла о томъ, а потому и наддачу жалованья производить. Кланяться Северину отъ Брайво и министру.—Также и отъ Григорья Павловича Кондоиди. (Сказать Матюшкину что родные ево на Острову Васильевскомъ всѣ здоровы. Северину поклонъ отъ сестры). Архивъ иностранныхъ дѣлъ кол. въ Москвѣ у Покровскихъ воротъ.

Имена разныхъ мнѣ знакомыхъ:

Василій Григорьев. Приклонской прокуроръ въ Твери, жена ево Мавра Ивановна. Друновцовъ живетъ въ Москвѣ подле Покровскихъ воротъ у Ведвнія въ Ворашахъ въ дехтярномъ переулкѣ въ домѣ Анфимовой, а въ деревнѣ за городомъ Можайскимъ въ 30 верстахъ, деревня Желоменна.

Павиліоны давать только тѣмъ, кои точно доказать могутъ что они російскіе подданные.

Спросить у министра рапорты ли или доношенія въ Коммерцъ-Коллегію посылать мнѣ должно... Для И. А. Ганнибала выслать хорошія вина... Для двора прислать также семена разные. Собрать въ Смирнѣ разное Анатольское дерево, лавы, мраморы, кораллы, изъ коихъ не худо и ко двору посылать. Драгомана взять въ Смирну стараться Равича. О таянѣ (?) спросить министра и стараться его получить. Сказать Якову Иван. отъ Абр. Ив., что теперь ожидаетъ онъ только ево извѣстія въ разсужденіи здѣшнихъ обстоятельствъ. Что Ив. Абрамовичъ пропускаетъ теперь еще безъ вида изъ Царяграда, потому что тамъ благополучно; но что впредь отпускалъ бы Як. Ив. съ видами приѣзжающихъ кораблей въ Херсонъ. Да и вездѣ, гдѣ консулы есть, чтобъ имъ право дано было давать виды.

Получающіе въ Смирнѣ Турки право вольности и протекціи Рос: называются Баратлы. Къ пріятелямъ моимъ отписать чтобъ больше старались торговлю вести пенькою нѣжели канатами чрезъ Черное море. Въ Коммерцъ-Коллегію писать же доношеніями равно какъ и въ иностранную. Чтобы купцы нагружающіе товары въ всѣ

*) У Григ. Пр. Надхина есть особая тетрадь, писанная рукой Хемницера, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и филозофическихъ матеріяхъ». Это — перечень содержанія писемъ, вошедшихъ въ 1-ю часть извѣстнаго сочиненія Эйлера, напечатаннаго въ русскомъ переводѣ Румовскаго: свидѣтельство любознательности Хемницера и вниманія, съ какимъ онъ дополнялъ свои свѣдѣнія чтеніемъ. За сообщеніе мнѣ на время какъ этой рукописи, такъ и памятной книжки Хемницера, долгомъ считаю печатно выразить г. Надхину мою признательность.

не тѣряли, потому что фунтъ напр. въ одной землѣ больше, а въ другой меньше, то въ контрактахъ оговорить это именно, что считая напр. по вѣсу смирскому столько то составить, вѣсу цареградскаго столько то, а потому и цѣна за фунтъ уже другая. Церемоніаль какой будетъ наблюдень съ моей стороны по приѣздѣ въ Смирну, описать въ Коллегію, препроводя письмо въ вице-канцлеру. Отписать также что и министры Константинопольскіе у меня съ визитами были. Римскому надворному секретарю Степану Райкевичу, бывшему предъ симъ секретаремъ у воложскаго господ. Ипсиландія, повелено отъ нашего двора письмомъ вице-канцлерскимъ къ министру цареградскому дѣлать всякое вспоможеніе, по учиненному имъ Райкевичемъ у російскаго двора чрезъ графа Кобицеля домогательству. Надпись на векселяхъ означающая розписку въ полученіи денегъ: *Pour moi à l'ordre de Mr Yakowleff, interprete de Russie ce 15....* По приѣздѣ въ Смирну справиться, почему куда фрактовыхъ денегъ берутъ и дать знать министру цареградскому. На цыдулы канцелярскіе отвѣчать также доношеніями, но не ставя номера и подписываться подъ доношеніями просто Ив. Хем.

2.

Журналъ моея поѣздки въ Смирну генеральнымъ консуломъ.

По отправленіи моемъ изъ Петербурга выѣхалъ я въ ночи съ 6 на 7 июня 1782 г. ъхалъ черезъ Москву, куда приѣхавъ остановился у М. Ф. Соймонова въ домѣ. Проживъ нѣсколько дней, поѣхалъ 18-го того же мѣсяца черезъ города: Серпуховъ, Тулу, Курскъ, Сорочинцы. Заѣхалъ въ село Обуховку къ Петру Васильевичу Капнисту, у котораго прожилъ нѣсколько дней, поѣхалъ отъ него на другой день Петрова дня на Кременчугъ и Херсонъ. Въ семь городѣ, приѣхавъ въ него июля 5, долженъ я былъ остановиться для отправленія меня по именному повелѣнію на ахтѣ до самой Смирны. Городъ сей, которой разстояніемъ отъ Крем. въ 303 верстахъ и заложенъ 1778 г. въ октябрѣ, нашелъ я уже въ большомъ успѣхѣ хотя онъ третій только годъ какъ заложенъ генераломъ Иваномъ Аврамовичемъ Ганнибаломъ, на стѣпи бывшей Запорожской Сѣчи, коей слѣды по необитаемости людѣй отъ Кременчуга до Херсона еще и теперъ видны; но городъ Херсонъ успѣхами своими какъ крепостью такъ и строеніемъ въ самой крѣпости и въ предмѣстіяхъ что все съ конца въ конецъ въ доль Днепра считается на 7 верстѣ, заставляеть о стѣпи етой забыть. Домовъ каменныхъ изъ тесаного бѣлаго камня которой пзъ-за нѣсколько верстѣ въ верхъ по Днепру достаютъ построено множество и довольно большіе. Магазины всѣ также, какъ для крѣпости такъ и

для флота построены изъ того же камня, а иные изъ кирпича. На штапель было 6 кораблей линійныхъ больше и меньше готовыми. Нѣсколько фрегатъ было уже на водѣ. Въ 1781 г. спущенъ первой на Херсонскомъ штапеле построенный линійной 60 пушекъ корабль Бористень, но отправленный въ море и доходившій до Марсели будучи Фалѣву препорученъ подъ именемъ купеческаго корабля, затѣмъ что въ трактатѣ съ турками военнымъ проходить каналъ не позволено. Садовъ какъ подъ городомъ такъ и при загородныхъ дворахъ разводится много и деревья, даже и виноградъ кажется довольно хорошо принимаются. Карантинной домъ подъ самымъ городомъ построенный требуетъ по хорошему своему разположенію вниманіе. Въ 15 верстахъ отъ города дача генерала Ганнибала Бѣлозерки, мѣстоположеніе имѣеть чрезвычайное въ разсужденіи воды. Строеіе еще не окончено. Мѣжду протчемъ сдѣлана тутъ машина водяная для поливанія сада *)....

Сверхъ того сдѣлать назначено фонтанъ изъ того же бассейна которой какъ сказывалъ мнѣ генералъ быть будетъ на двѣ сажени. Мѣстоположеніе сего увеселительнаго дома и сада на горѣ. Лѣсъ для корабельнаго строеіа и проч. привозятъ изъ Польши дубовой, а изъ Брянска сосновой и еловой водою и сухимъ путемъ.

21-го числа, іюля пополудни въ 6 часовъ, поѣхалъ я шлюбкою на яхту назначенную для отвезенія меня въ Смирну, которая дожидалась меня подъ Глубокимъ, въ 35 верстахъ отъ Херсона. Мѣсто сіе слобода, гдѣ снаряжаютъ кораблей приведенныхъ изъ Херсона на камеляхъ за мѣлкостію Дибра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иные мѣста глубиною только въ 6 футовъ. Тутъ же и брандвахта. Командиръ на моей яхтѣ былъ капитанъ лейтенантъ Яковъ Ивановичъ Лавровъ. 23 числа въ 9 часу по утру снялась яхта съ якоря противъ Глубокова и прошла вѣтромъ до слободы называемой Станиславъ разстояніемъ отъ Херсона 42 версты, гдѣ за противностію вѣтра стали на якорь, и переночевали. 24 поутру, въ 4 часа по полуночи снялись съ якоря и дошли боковымъ вѣтромъ до Очакова въ 12 часовъ по полуночи, остановились за противною погодою противъ самого города въ устьи между Очаковымъ и Кинбурномъ; ветръ сей затѣмъ служить не могъ что надлежало отъ Очакова поворотить въ лѣво а вѣтеръ былъ сѣдовой. Отъ Станислава до Очакова моремъ 45 верстъ...

Наконецъ, 4 числа Августа, прибыли въ 12 часовъ по полуночи въ предмѣстіе цареградское называемое Буюкъ-дире.... (Послѣ слова: „Царь-мѣсто“, см. выше, стр. 601, стр. 10 сверху, Хемницеръ продолжаетъ):

*) Пропускаю, какъ здѣсь, такъ и ниже строки, выписанныя выше Г. П. Надхиннымъ на стр. 599 и послѣдующихъ. Я. Г.

Яковъ Ивановичъ сказывалъ мнѣ что процентовъ съ капитала у турокъ брать въ обыкновеніи нѣтъ. Если домъ сгоритъ отъ постояльца, постоялецъ за него не платитъ. Il 7 ho pranzato da il signor Ambasciadore di Venezia Garzoni. Il 8 sono stato di fare un giro col sign. Severin secretario di nostro Ambasciadore, per veder le Aquedotte presso di Boujoucdyre fatte delle Grecque, che conduron le aque per Const. da un luogo il quale si chiama Pirgos. Questo acquedotto est sostenuto per 20 archi alti di 5 ovvero 6 pertice. *) числа поѣхалъ я изъ Буюкъ-дере съ Ив. Ив. Северинимъ, секретаремъ посольства и съ однимъ алмазныхъ дѣлъ мастеромъ итальянцомъ г. Виценциемъ на турецкой лодкѣ въ городъ подъ вечеръ, чтобы по причинѣ рамазана видѣть городъ или лучше сказать мечети освещенными плашками или фонариками. См. о семъ письмо къ Н. А. Львову писанное.

4-го числа Сентября, ѣздилъ я верхомъ съ Ив. Ив. Северинимъ къ аглинскому вупцу Gimes въ Бѣлградъ а отъ туда всѣ поѣхали въ деревню Пиргось въ 20 верстахъ отъ Буюкъ-дере, чтобы видѣть тамъ римлянами при царе Юстиніанѣ построенные водоводы, коиъ я имѣю рисунокъ отъ Ив. Ив. Северина. Сія водоводы отменны.... Stalactita или капельника, коего я глыбу въ собою взялъ. Протчіе дни былъ я званъ съ министромъ нашимъ на обѣды къ иностраннымъ министрамъ.

На конецъ 9 числа Сентября, по полудни въ 6 часовъ, снялись мы съ якоря отдавъ министру честь 7-ю выстрелами пушечными съ яхты коей по имянному повелѣнію изъ Херсона въ Смирну меня довести должно было, пошли въ путь. Но ветеръ не долго продолжился и мы дошедъ до половины дороги отъ Буюкъ-дере къ Царьграду остановились. 10 поутру снявшись съ якоря дошли до Царьграда и остановились противъ Перы, гдѣ и переночевали. Будучи обезпокоенъ моремъ сошелъ я поутру 11 числа съ яхты въ министерской домъ, и къ вечеру возвратился опять на яхту. 12 поутру пошли мы опять въ путь и прошли уже столько бѣлымъ моремъ что Царьградъ почти изъ виду потеряли, но сдѣлавшаяся съ полдень противная погода возвратила насъ опять къ Семи башнямъ куда дошедъ подъ вечеръ остановились, и простояли 13 число. Съ 14 поутру рано снявшись съ якоря шли все однимъ вѣтромъ пока 15 вечеру въ 8 часовъ при-

*) Эти строки, показывающія порядочное, хотя и небольшое знакомство съ итальянскимъ языкомъ, въ переводѣ значить! 7-го обѣдалъ я у г. венеціанскаго посланника Гарзони. 8-го сдѣлалъ прогулку съ г. Северинимъ, секретаремъ нашего посланника, чтобы взглянуть на водопроводы, построенные греками и доставляющіе въ Константинополь воду изъ мѣста, называемаго Пиргось. Этотъ водопроводъ поддерживается 20-ю арками вышиною въ 5 или 6 пертикъ».

шли въ предпоследнимъ дарданеламъ, гдѣ и остановились потому что надлежало дожидаться осмотра отъ турокъ, которые на другой день утромъ прѣехали: тутъ же забрали свѣжую воду и запаслись хлѣбомъ, виноградомъ и пр. и въ 12 часовъ по полуночи того 16 пошли далѣе. По полудни въ 5 часовъ дошли до берега славной Трои противъ которой на другой сторонѣ островъ Тенедосъ. Признаться что поравнявшись противъ мѣста, гдѣ Троя стояла, хотя нынѣ и слѣдовъ ея нѣтъ исключая части стѣны съ воротами и 2-хъ или 3-хъ при нѣй башенъ что считаютъ не остаткомъ Трои, а построеннымъ после, не безъ движенія я остался. Тогоже числа вечеру въ 7 часовъ дошли до мыса Бабы гдѣ и цитадель небольшой построенъ противъ острова Митилены, и легли на якорь. 17 поутру снялись съ якоря; и хотя намѣреніе было пройти о. Мителене съ левой стороны считая отъ мыса Бабы; но ветеръ не позволилъ и должно было итти въ право. Наконецъ 20 числа того же сентября, прибыли въ 2 часа въ Смирну. Первой корабль цесарской купеческой выпалилъ 5 выстрѣловъ, и мы отвѣчали 3-ми, потому что онъ только купеческой, а естли бы онъ былъ военной, то бы тѣмъ же числомъ. Потомъ салютацію дѣлали и всѣ прочіе.

В. 9-го числа родился у султана сынъ, и была во время нашей стоянки противъ Царяграда съ крѣпостей и съ литейной части пальба.

В. Видѣлъ я въ Царѣградѣ домъ гдѣ жилъ графъ Бонневаль, а погребенъ онъ въ саду другаго дома и надъ гробомъ его выросли 4 кипариса.

3.

Записки Смирнокія.

При началѣ прошедшей съ турками войны, турки столько заражены собою были что мѣжду прочемъ старики при костыляхъ съ однимъ только пистолетомъ бѣжали на войну противъ русскихъ, съ тѣмъ чтобъ ихъ побрать живыхъ какъ куръ на гнѣздѣ. Другіе брали съ собою даже веревки чтобы всѣхъ перевязавъ живо привести какъ невольниковъ, спрашивая образомъ договора Смирнскихъ жителей сколько кто привести велить. Когда флотъ нашъ истребилъ турецкой, тогда затопили Европейскія націи корабли передъ заливомъ смирнскимъ числомъ до 12 чтобъ воспрепятствовать входъ нашему флоту, думая что онъ и до Смирны дойдетъ. (Въ 1783 году когда въ Смирнѣ перепись всѣмъ янычарамъ была, то нѣкоторые боясь войны съ русскими (изъ янычаръ даже) уходили изъ Смирны тихонько въ другіе мѣста, дабы въ случае войны не итти въ походъ. Вотъ кака перемѣна въ туркахъ сдѣлалась!

„Секретарь посольства венеціанской респ. въ Царѣградѣ имѣеть

служа ту выгоду что каждый годъ ево пребыванія въ Цареградѣ замѣняется ему за 3. Вотъ каково венеціанѣ о житъе турецкомъ думаютъ!

Затѣмъ предложу еще нѣсколько выписокъ другого рода:

Что М(айковъ?) *) никогда, писавъ, не унадалъ,

Ты правду точную сказалъ.

Я мнѣня этого объ немъ всегда держался:

Онъ сколько ни писалъ, нигдѣ не возвышался.

И. Хем.

Вотъ каково быть судьбою: кто виновать кругомъ, за того какъ есть предстатели, просятъ чтобъ оправить, а права сдѣлать виноватымъ: законы не законъ когда сильные есть старатели; а естьли судьи по просьбѣ не сдѣлають, бѣды имъ; ихъ же обвинять и мѣста лишать. Другой подъ видомъ усердія къ казенному прибутку, жалованье не добавляетъ кому слѣдуетъ неполное, а самъ эти же деньги старается выщечить у казны себѣ въ награжденье за казенной сумми приращенье.

Переводъ стиховъ въ стихи есть тоже самое какъ бы подлинникъ совершенной уже картины возвратитъ въ брѹльионъ, да и то не въ точной. См. Енеиду несноснаго педанта Петрова.

Mon épitaphe:

Il est vrai que toujours je me suis vu sans bien:

Mais aussi je vécus ne craignant jamais rien.

J. Ch.

Autre:

Il est vrai, j'ai vécu et je suis mort sans bien,

Mais ni je ne craignis, ni je ne craindrai rien.

Писатель которой написанной иной хотя прекрасной стихъ выкинуть жалѣеть, когда нужда того требуетъ, великимъ никогда не будетъ. Иной прекрасной стихъ самъ собою цѣлому иногда больше врѣдъ нежеди полезенъ, когда онъ читателя отводитъ отъ цѣлаго и заставить устремиться за нимъ. Въ картинной группѣ гдѣ всѣ лица, а иногда можетъ быть эпизодическіе еще, больше главнаго лица, для котораго картина писана, совершеннѣе или главному лицу равны, картина вся вообще весьма послабляется....

Pour faire une bonne traduction il ne faut que la connaissance parfaite des langues dans lesquelles on travaille; mais pour faire une fable de La Fontaine il faut être La Fontaine même.

*) Извѣстный Василій Ивановичъ, между прочимъ издавшій также собраніе басенъ.

Я. Г

Что касается до тетради басенъ Хемницера, которыя напечатаны въ „Русской Старинѣ“ стр. 583 — 594, то онѣ писаны были вѣроятно, по крайней мѣрѣ болшею частью, до отъѣзда автора въ Смирну. Важно то, что эти басни представляютъ настоящій, подлинный текстъ Хемницера, тогда какъ извѣстный печатный текстъ 3-й книги собранія его басенъ, напечатанной уже послѣ смерти его, носитъ слѣды измѣненій Вас. Вас. Капниста. Закрываю это изъ двухъ имѣющихся у меня тетрадей, въ которыхъ вся 3-я книга переписана рукою Капниста съ поправками того же почерка въ стихахъ, болѣе близкихъ къ первоначальной редакціи Хемницера.

Въ заключеніе два слова о мѣстѣ погребенія баснописца. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, останки Хемницера были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; но достовѣрность этого извѣстія сомнительна, такъ какъ Николаевъ началъ возникать только въ 1789 году, послѣ взятія Очакова, а городомъ сдѣлался не ранѣе 1790. Впрочемъ, по свѣдѣнію, доставленному мнѣ, при посредствѣ М. Ѳ. Шугурова, изъ Николаева, мѣстныя старожилы слышали, что тѣло Хемницера дѣйствительно было погребено тамъ на общемъ кладбищѣ. На рисунокѣ надгробнаго памятника его, приложенномъ къ первому посмертному изданію его басенъ, читается надпись Нико: но непонятно, какъ бы она могла явиться на самомъ памятникѣ.

Я. К. Гротъ.